

Валера Приёмыхов... Не получается сказать бывший, был, умер. Потому что включаешь телевизор или видик, а он — вот, вроде и вовсе никуда от нас не уходил.

Так что глаголы прошедшего времени не для него.

АКТЕР: «Жена ушла», «Пацаны», «Милый, дорогой, любимый, единственный», «Попутчик», «Мой боевой расчет», «Простая смерть», «Холодное лето пятьдесят третьего»...

КИНОДРАМАТУРГ: «Милый, дорогой, любимый, единственный», «Взломщик», «Никудашная», «Магия черная и белая», «Князь Удача Андреевич», «Кто, если не мы» и другие.

РЕЖИССЕР: «Штаны», «Мигранты», «Кто, если не мы».

Трижды лауреат государственной премии. Не заслуженный и не народный. Любимые писатели — Александр Солженицын и Виктор Астафьев.

Не знаю, зачем все это перечисляю. Эдуард Успенский однажды сказал про Валеру так: «В нашей стране нет человека, который бы не знал Валерия Приёмыхова. Его знают интеллигенция и рабочий класс. Его знают евреи и дагестанцы. А если остановит в степи калмыка и спросит: кто тебе друг? Он ответит: степь. А еще кто? — Валерий Приёмыхов. Почему? — Да потому, что он снимает самое интересное кино».

Вот на почве этой самой интеллигенции, про которую говорил Успенский, мы с Валерой в одном из интервью и схлестнулись.

Я помню, пришла к нему в больницу (ему подлечивали желудок), буквально напросившись на встречу. Он страшно не любил, когда видели его слабость, болезнь, начинали сочувствовать или — еще хуже — жалеть. И вот малюсенькая палата — одному-то человеку тесно — была завалена книгами и бумагами плюс неизменная печатная машинка и еще более неизменный крепкий-крепкий чай. Я взяла одну книгу — «Библия», другую — «Откровения Иоанна Богослова»: он как раз тогда начинал всерьез изучать религию. «Валер, — спросила я, — как же так: мне говорил, что занят осмыслением роли интеллигенции в истории и даже эту самую роль подвергаешь сомнению, а сам ударился в религию?»

— Э-э-э... Тут ведь смотри, как все закручено. Народ Иудей, как ты знаешь, страдал под гнетом иноземных захватчиков...

Я мученически подняла глаза к потолку, ожидая миллиона цитат и библейских подробностей, а также вопросов типа: в главе десятой сказано — ты помнишь, что там сказано? Так вот, говорится там...

— Нет, ты послушай, как это интересно. Захватчики, да, оккупанты в стране... Но Христос ни слова об этом не говорит. Он даже не нападает на садукеев-компрадоров, по-нашему. А все время обвиняет фарисеев и книжников, книжников и фарисеев, т.е., по существу, тех, кого мы и называем интеллигенцией.

Знаешь, вот говорят: горе должно прийти в мир. Но горе тому, через кого оно приходит. А вместо фарисеев и книжников, то бишь лицемеров, про которых в Писании через каждое слово, подлецом, например, входит Понтий Пилат...

Есть такая смешная книжка... — Валера хотел сказать все самое главное, перепрыгивал иногда с одно-

го на другое, но слушать его было чрезвычайно интересно: он увлекал за собой, заволакивал не фактами, а их осмыслением, каким-то удивительным симбиозом души и сути. — Есть такая смешная книжка, которой, я думаю, пользовался и Булгаков. Она издана где-то в начале века в Одессе и закручена посильнее «Мастера и Маргариты». Так вот, в ней Понтий Пилат пять раз отказывается казнить Христа — пять раз. А помнишь, этот странный обряд умывания рук... На самом деле Понтий

самом деле одно... Павлова не выслали, Вернадского не выслали. Вавилова тоже... А выслали всех болтунов. Попалась, конечно, пара хороших...

Кстати, слово «интеллигенция» придумал некто Боборыкин, писатель — ты знаешь такого? Вот и я не знаю. А Федор Михайлович Достоевский тоже придумал слово в русском языке — «штушеваться» — и страшно этим гордился. Только Федора-то Михайловича я знаю, а кто этот Боборыкин?... И придумалось ему

почему застрелился маршал Ахромеев? Да потому застрелился, что он был маршал, военный — он, как честный человек, не мог не застрелиться.

Кому служить-то, чему? Много трагедий, которых мы не видим: оператор на съемках кого-то застрелил, а потом и сам застрелился; умер парень, который играл в «Балладе о солдате», Ивашов, — искусство сейчас лишается смысла, ведь оно всегда было служением...

меня почему-то довольно хорошо знают в Италии. Они, наверное, думают, что я как бы Янковский... На все фестивали приглашают — фильм «Жена ушла», «Милый, дорогой...», другие фильмы возил туда, получал даже какие-то призы. Ну, так приглашает меня этот настоящий миллионер, и мне сообщают: он та-а-кой крутой. Да у него, говорю, рубашка-то хуже моей, какая-то бордовая с облезлыми кружевами... А мне: да эта рубашка — с брабантским кружевом, ее можно поменять на хороший автомобиль! Захожу в зал, а там такой толстый белый ковер. Я им: а почему он белый? Как-то я так замаялся, вроде и наступать жалко, прямо так и хочется ботинки снять. Так вот, я говорю: а почему он белый-то? А миллионер с недоумением таким: а какой надо? Ну хоть бы кремовый, я говорю. Почему кремовый? — он спрашивает. Ну грязь не будет видно. Он так, можно сказать, озадачился и, вероятно, задумался: куда же уходят его бабки?

Вообще же это была, как я узнал, идея Тарковского, а этот миллионер деньги давал на фильм. Мы с ним поговорили, о религии в том числе, и тогда я понял, что он меня не просто приглашал поговорить. Идея его была вот в чем: он хотел собрать команду, в которой были бы католик, лютеранин и православный. И чтобы святого Антония как раз играл православный. Но, к сожалению, ничего из этого не получилось. А жаль.

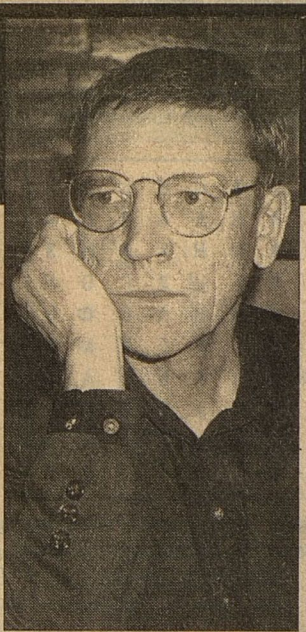
— Зато сейчас (это вопрос из 1996 года) вы с Александром Прошкиным что-то сочиняете стоящее. Интересно, куда же теперь двинется (не без вашей с Прошкиным помощи) наш отечественный кинематограф?

— Да, это фантастическое дело, я никогда так долго не писал сценарии. Это напомнило мне худшие советские времена. Надо было сочинить про миллионера, но факт заключается в том, что советскому миллионеру первое, что хочется сделать, так это сразу плюнуть в рожу, не зная человека, просто так — речь зашла о нем, а ты уже набираешь слюни. А тут мне говорят: хочешь написать про миллионера? Я говорю: про жуликов там, убийц и все такое прочее — пожалуйста, а про миллионера — нет. И вдруг я разговариваю с нефтяниками — они профессионалы, не миллионеры, — и они мне рассказывают довольно интересный сюжет, который был в жизни. Я начал писать, но никак не лепится образ хорошего советского миллионера, все равно получается жулик. И тут вдруг у меня что-то щелкает, и начинает складываться весьма драматичный сюжет. В общем, теперь я могу без стеснения дать тебе почитать этот сценарий...

Ему вообще хотелось верить, что мы, наше кино, накануне взлета. Только взлет он видел не в повышении интеллектуальности кино. Интеллектуальное кино, считал он, — почва, канун. Конечно, поиски новой выразительности нужны кинематографу, но как ступень — ступень к постижению реальности сегодняшней духовной жизни. Общечеловеческое не выражается через «общечеловека», мудрость — не привилегия ученых, и поэзия жизни не в поэтах. А в реальном человеке, конкретном взгляде на мир, эмоциональном отклике на радость и горе жизни.

НАСТОЯЩЕЕ НЕ БЫВАЕТ ПРОШЕДШИМ

Когда-нибудь напишут:
он умер в XX веке.
Но мы пока этого не понимаем

не мыл руки в прямом смысле, а исполнял древний еврейский обычай — если он что-то сказал бы, огромная толпа его не услышала бы, а вот когда он совершил как бы умывание рук и поднял их, — толпа увидела... Старейшины использовали обычно этот обряд, когда рядом с селом находили мертвого человека, они как бы говорили: «Мы не знаем этого человека и не повинны в его смерти».

Вообще все христианство заключается в парадоксе, помнишь? «И гений, парадоксов друг?» Опять же в Древнем Риме, когда лилась кровь — ужас что там творилось, — римляне по всему должны были победить готты, не физически, а нравственно, как более молодая сила. А побеждает христианство, которое говорит: «Не убий!» (Если бы к старому римлянину тогда кто-то подошел и сказал: когда тебя ударят по щеке, подставь другую, — он умер бы от хохота...)

Я к чему это — да к тому, что все кончится тем, что пройдет наше время и будут виноваты Ельцин, Горбачев, найдут еще кого-то. А на самом деле это же все фарисеи, интеллигенция, которая создала такую атмосферу вокруг, то, что называют общественным мнением и которое задолбало Россию еще с XIX века. Это та интеллигенция, которая опять уйдет в тень, опять будет страдающей, когда выслали из страны, а выслали-то на

это исключительно потому, что такое явление существует только у нас в связи с петровскими реформами (на Западе никакой интеллигенции и в помине нет, у них это называется интеллектуалами).

Все считают, что, мол, Петр I, отучившись в Европе, многое отгудал в Россию взял. А что там хорошего было-то? Кончилась 30-летняя война, население уменьшилось в 10 раз, казнили ведь каждый день (я вот тут читал книжку: в каком-то саксонском княжестве один судья казнил 20 тысяч человек; во дворцах, например, стояли тарелки для убивания вшей; в Версале мочились, где попало, даже в коридорах...) Интеллигенция настолько безответственна, насколько... это слово вообще, по идее, надо ликвидировать... У Платонова, помнишь: «Эх, ты, дурачок, профтрепача послушал?» А у Розанова есть такая фраза: «Шрифт Гуттенберга отличался из того же свинца, что и пули».

Историю приходится изучать в пятый раз. Годы перестройки — это, по сути, университет. Я теперь понимаю, что такое петровские реформы, я понимаю революцию и как она случилась, как пришли большевики, как могли победить такую могучую державу Керенский, Гучков, Миллюков. Я понимаю роль интеллигенции и почему умер Блок — понимаю. Не потому, что ему не хватало еды. Он задохнулся в этой атмосфере. Помнишь, пресса очень муссировала:

Они все — Горбачев, Ельцин, другие — они все понтии пилаты. С одной стороны, они боятся Тиверсия, а с другой — боятся этих фарисеев, которые наступают. Это затянущаяся Февральская революция. У меня такое ощущение, что они накрыли страну такой пленкой, чтобы сорняки росли: снаружи снег, ветер, а тут парит, прет все, прет сорняк. А потом появится какой-нибудь Ленин... В общем, после Наполеона личностей не было. Ты посмотри, после Наполеона рост французов в среднем уменьшился на несколько сантиметров. То есть, по существу, он угрожал всю нацию. Но какой был человек! Они-то думали, что они фратерните, легалите...

— Валер, а правда, что тебе однажды предложили сыграть роль святого, или это шутка такая?

— Да, в Италии предлагали сыграть святого Антония. Я по этому случаю даже был на даче у настоящего миллионера... Да, кстати,